



школа

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СНГ: ПРОБЛЕМЫ И ТУПИКИ

Комментарии к статье К.М.Труевцева¹

С.А.Медведев

¹ В основу комментариев к статье К. М. Труевцева, как и самой статьи, легли обсуждения на научном семинаре факультета прикладной политологии Высшей школы экономики.

За последнее время было сделано немало попыток осмыслить судорожные телодвижения российской власти (постбесланская реформа политической системы, метания российской политики в Украине и Абхазии), прозвучало немало lamentаций по поводу авторитарного дрейфа Путина в начале его второго срока. Между тем, на наш взгляд, сила данной статьи – в длиннофокусной оптике. Пожалуй, впервые события последних месяцев были поставлены в метаисторический контекст, интерпретированы, в духе Тойнби и Броделя, с точки зрения *longue duree*, длинных исторических волн. Не случайно в тексте возникают мощные тени: К.М.Труевцев пишет о «гегельянском смысле» второго срока Путина и позже – о его же, Путина, «фаустовской» миссии².

По мысли К.М.Труевцева, на наших глазах заканчивается «длинная волна» российской истории, которая была начата революциями 1905-1917 гг. и ознаменовалась федерализацией, децентрализацией и, в конечном счете, распадом «Исторической России». Путин, освобожденный от пут ельцинского регентства, подобно Ивану Грозному, вырвавшемуся из-под опеки Елены Глинской, призван положить конец столетней смуте и выступить в роли собирателя русских земель: не случайно патронируемый им политический проект носит имя «Единой России».

² Впрочем, заметим, что Мировой Дух выбрал себе довольно сомнительных «кротов» в лице гг. Суркова, Сечина, Богданчикова и Маркова, а фаустовская миссия пока что реализуется в фарсовых формах – балаганный аукцион по «Юганскнефтегазу», многократные «китайские поздравления» Путина Януковичу, которые никто упорно не замечал.

Не оспаривая сути авторского тезиса, я хотел бы предложить альтернативную интерпретацию «больших волн». С моей точки зрения, сейчас заканчивается не столетний цикл революций, а пятисотлетний цикл российского модерна, Нового Времени. Условно говоря, он начался с того, первичного, собирания русских земель при Иване III, Василии III и Иване Грозном. Изначальная Русь становится Россией и в перспективе Империей; Митрополит Московский становится Патриархом, Москва – третьим Римом, и воспринимает у павшего Константинополя регалии императорской власти. Иван Грозный переходит Волгу у Казани, и начинается безостановочный пятисотлетний период расширения. Россия растекалась по равнине,

как пиво по столу, со скоростью 42 тысячи квадратных километров в год, как педантично подсчитал Ричард Пайпс. Урал и Сибирь, Аляска и Калифорния, Средняя Азия и Манчжурия, а в XX веке добавилось и вертикальное измерение – космос, и межконтинентальное – от Лаоса до Йемена, от Мозамбика до Никарагуа.

Пятисотлетний территориальный императив сформировал особый тип правления, который Ключевский называл «боевым строем государства». Россия стала государством, в котором приоритет отдавался стратегическим и военно-политическим задачам (расширение, освоение и оборона территории), в котором геополитика подчинила себе внутреннюю политику. Парадоксальным образом, это отвечало базовым установкам Нового Времени: централизованное государство, территориальный контроль, бюрократия и полиция, социальная инженерия. Россия (и СССР как ее реинкарнация) стала крупнейшим модернистским проектом в истории, сохранившимся вопреки течению времени, эрозии камня и регулярным наездам Запада, вплоть до конца XX века.

«А тем временем в Крыму»... А тем временем на Западе с двумя мировыми войнами, крахом колониальных империй и структурной перестройкой капитализма на основе постиндустриальной экономики закончился модерн. Геополитика Запада сегодня скроена по лекалам глобальной экономики и информационной эпохи, и понятия территориального контроля и собирания пространств более не входят в определение национального интереса. Для России первый звонок прозвучал в Афганистане в 1989 г., второй – в Лейпциге, Берлине и Праге в 1990 г., и третий – в Беловежской пуще в 1991 г. Распад СССР был ничем иным как окончанием модернистского территориального проекта, концом света по Т.С.Элиоту: «не взрыв, но вскрик». Россия встала перед вызовом постмодернистской, посттерриториальной эпохи – эпохи гибкости, эффективности и конкурентоспособности на глобальном рынке.

Похоже, что Путин в свой первый срок осознавал характер этого вызова и адекватные формы ответа на него. Вспоминается его замечание на вопрос о «национальной идее» на встрече с доверенными лицами в феврале 2004 г.: «Главная национальная идея – это конкурентоспособность». Ряд внешнеполитических акций в начале 2000-х гг. (от согласия России на выход США из ПРО, на расширение НАТО и на размещение американских войск в Средней Азии до закрытия российских баз в Лурде и Камрани) позволяли надеяться, что Россия отходит от многовековых модернистских стереотипов и начинает рассматривать партнерство с Западом, а не территориальный контроль, как ключевой национальный интерес.

Роман с глобализацией был бурным, но недолгим. События последнего года свидетельствуют, что традиционные геополитические мышление и идея территориального контроля, выражающаяся в формах от интеграции до интервенции, возвращаются на командные

высоты в российской внешней политике. К.М.Труевцев диагностирует опасный тренд: постсоветская интеграция начинает восприниматься как «геополитическая самоидентификация России». Складывается впечатление, что не второй, как надеется автор, а именно первый президентский срок Путина был «проектный», прошедший под знаком модернизации, вестернизации и реформ. А второй срок оказывается конъюнктурным, посвященным «проблеме 2008» и выживанию нынешней элиты во власти. И здесь все средства хороши, от сладкой иллюзии восстановления управляемости путем централизации до популистской мифологии постсоветской реинтеграции.

Но вот что любопытно: логика XXI века опровергает практически все территориальные и интеграционные проекты России. Казалось бы, чего проще: беззащитная Грузия, клиентельные квази-государства Абхазия и Аджария, «мягкое подбрюшье» Украины... Но всюду Москва проиграла, так как оказалась не в силах понять, что прямой территориальный контроль уже не работает в условиях глобальных информационных, финансовых и людских потоков, в обстоятельствах, когда привлекательность той или иной модели развития становится большей силой, чем исторические узы, экономические рычаги и военные базы. Рано или поздно Москва поймет это и в отношении собственных регионов, на что справедливо указывает К.М.Труевцев в конце своей статьи.

II. В. Поляков

На мой взгляд, в статье К.М.Труевцева обнаружен принципиально новый ракурс рассмотрения внутрироссийской политической реформы, смысл которой многими экспертами воспринимается как переход от федерализма к унитаризму. И этот ракурс позволяет перевести дискурс о реформе из области явных или неявных идеологических пристрастий и ценностных установок в пространство достаточно однозначно понимаемых национальных интересов. Полу-назначение «губернаторов», превращающее Россию в «полу-федерацию», можно точно оценить не в сомнительной и весьма вкусовой системе «мер и весов» дискурса о демократии, а в контексте реинтеграционного мега-проекта, инициированного самой Россией на пространстве бывшего СССР. И оценка, которую дает автор, весьма невыгодна для внутривнутриполитических президентских инициатив.

В логике К.М.Труевцева де-федерализация России оказывается прямой противоположностью тенденциям (явным или пока еще латентным) к федерализации, которые обнаруживаются в Украине, Казахстане и Беларуси. А это значит, что «локомотив» постсоветской реинтеграции – Россия наращивает системную гетерогенность,

которая затруднит (если не заблокирует вовсе) возможность политически-правовой реинтеграции трех славянских государств и Казахстана. Ведь федерализация – это не столько «мода» или «веление времени», сколько способ выживания ближайших соседей России. И, кстати говоря, это также единственно реальная мирная перспектива для Грузии и Молдовы, которые, таким образом, могут подключиться к реинтеграционному процессу. Сворачивание же федерализма в России как будто бы превращает весь этот мега-проект в нереализуемый. И таким образом политическую реформу Путина вполне можно охарактеризовать с помощью знаменитой формулы П.Н.Милюкова – «это хуже, чем преступление, это – ошибка».

Ценность получаемого вывода в том, что он – научен, поскольку поддается процедуре фальсификации. Разумеется, не в строгом попперовском смысле (ибо мы не можем проверить его экспериментально), но хотя бы в смысле проверочного «исчисления» (если вспомним Гоббса) других политических факторов, способных этот вывод существенно скорректировать. Для такой корректировки достаточно будет учесть влияние лишь двух, неучтенных автором факторов.

Во-первых, исходя из общей логики модели движения России и указанных ключевых ее партнеров «на встречных курсах», можно предположить, что имеется некое срединное «место встречи», которое «изменить нельзя» в силу совпадения именно в этом месте базисных национальных интересов всех участников этого «ралли». Я уже использовал выражение «полу-федерация» и хотел бы закрепить его в строгом терминологическом смысле. На мой взгляд, терминалом путинской реформы является не унитаризм, а именно полу-федерация, в которой сочетается прагматизм единства управленческих решений и «демократический романтизм» самоуправления доставшихся нам в наследство от СССР «субъектов Федерации». И сама половинчатая процедура «наделения полномочиями» глав исполнительной власти «субъектов» очень наглядно, как мне представляется, свидетельствует в пользу этого тезиса.

Теперь, если определить федерализацию как ближайшую и насущную перспективу хотя бы для Украины, то, очевидно, что с точки зрения удержания стабильности государства было бы разумно переходить от назначения губернаторов именно к системе, принятой в России. Сохранив право номинации претендентов на пост глав исполнительной власти в субъектах Украины как федерации за президентом, украинские реформаторы гарантировали бы тем самым свою страну от угрозы сепаратизма. Ведь при прямых выборах и в восточных, и в западных областях не исключено появление популистских лидеров, радикально-сепаратистские программы которых поставили бы Украину на грань распада.

А для Казахстана и Беларуси федерализация по российской модели вообще означала бы колоссальный шаг вперед уже с точки зрения

общей демократизации этих стран. Что, кстати, вполне просчитывается в логике национальных интересов, т. к. понятно, что ни Беларусь, ни Казахстан в долгосрочной перспективе (а не в краткосрочной перспективе выживания личных режимов Лукашенко и Назарбаева) политику изоляционизма проводить не смогут. И этот момент демократизации указывает на второй важный фактор, который не до конца, на мой взгляд, учтен К.М.Труевцевым.

Имеется в виду переход на пропорциональную избирательную систему и особый акцент российской политической реформы на общефедеральных партиях. В той схеме «полу-назначения» губернаторов, которая теперь принята федеральным законом, паритетная роль отведена региональным законодательным собраниям. А они теперь будут состоять как минимум на 50% из депутатов, избранных по партийным спискам. Это значит, что роль партий как ключевого института демократического политического процесса должна существенно возрасти. Теперь партии смогут вести борьбу не только за контроль над высшей законодательной властью в стране, но и за контроль над исполнительными властями в регионах. И фактически на региональном уровне мы в перспективе получим модель парламентских республик (или президентских – но по французской модели), где исполнительная власть назначается по итогам парламентских выборов.

На мой взгляд, именно процесс становления общенациональных партий и в России, и в странах-партнерах по «четверке» и может оказаться самым кратчайшим путем к политико-правовой реинтеграции. Даже если рассматривать белорусских «яблочников» и «либерал-демократов» как нежизнеспособные «клоны» российских оригиналов, все равно интеграция по модели Евросоюза (а это, как доказано практикой, самая жизнеспособная модель) не будет возможна без наличия в наших странах сильных общенациональных партий в пределе тяготеющих к «правому» и «левому» полюсам. Представить себе эффективную интеграцию на уровне президентов и правительств, т. е. интеграцию верхушечно-бюрократическую, невозможно. И иллюстрацией к этому служит судьба союза Россия- Беларусь.

Так что критическое рассмотрение весьма провокативной статьи К.М.Труевцева вынуждает сделать вывод существенно иной. Политическая реформа в России, инициированная президентом Путиным на фоне бесланской трагедии, находится в полной гармонии с проектом реинтеграции постсоветского пространства на основе участников Беловежских соглашений плюс Казахстан. При одном условии – если этот проект подразумевает расширенную федерацию, конфедерацию или союз (по модели Евросоюза), а не реставрацию «империи». Т. е. того однополярного мира на постсоветском пространстве, против идеологии и практики которого Россия так активно выступает в глобальном масштабе.

Т.Л.Поляников

Как представляется, используя выражение «унификация постсоветского пространства», К.М.Труевцев сознательно внес некий элемент интеллектуальной провокативности в само название своего доклада. И, в принципе, это вполне оправдано, поскольку речь действительно идет о проектах и тенденциях как неких проекциях прошлого на будущее.

Следуя заданному жанру, не будем пытаться слишком уж жестко проводить различие между тем, что уже *есть* – т. е. оформилось, сложилось, спрессовалось, – в политической реальности, и тем, что только *обозначается и намечается*, существует лишь как тенденция, и, в силу этого, является предметом жесткой борьбы со слабо предсказуемым итогом.

Итак, *во-первых*, начать следует с Путина.

Как мне кажется, любая попытка однозначного определения «миссии Путина» – стабилизатор/хаотизатор политической системы, продолжатель/разрушитель «дела Ельцина», спаситель/могильщик России – в принципе непродуктивна.

Путин – фигура в высшей степени амбивалентная. При желании в его заявлениях и действиях можно проследить и «бонапартизм», и «керенщину» (Керенскому, между прочим, весьма импонировали сравнения с Бонапартом), и «пиночетизм» (с идеей приглашения бывшего чилийского диктатора в Санкт-Петербург Путин носился в свою бытность замом Собчака), и «сталинизм» (известно, что корни текущей «ползучей реабилитации» Сталина уходят непосредственно на Старую площадь).

При этом подобная проектная и идеологическая амбивалентность (балансирующая, тем не менее, вокруг чего-то, ассоциируемого с «твердой рукой и железной метлой») связана не только с его *субъективными* характеристиками (специфика работы в КГБ, деятельность в команде Собчака, коммерческие интересы и проч.), но, прежде всего, с тем *объективным* политическим и, если угодно, – историческим, – контекстом, в котором ему приходится действовать в качестве президента России.

А динамика этого контекста, явно «постучавшая в голову» российской общественности и политикам после Беслана, не позволяет надеяться на то, что «эпоха перемен» осталась позади. Скорее, мы «в темпе» и стиле «борьбы бульдогов под ковром» переходим от одной ее фазы (причем относительно спокойной) к следующей, по опасности сопоставимой с событиями 1998-1999 гг.

Может быть, В.В.Путин и хотел бы быть «стабилизатором и гармонизатором» процесса, но процесс, увы, не собирается стабилизироваться и гармонизироваться. Может быть, президент хотел бы продолжить демократизацию России и рыночные реформы – но в

нынешних условиях это дестабилизировало бы страну окончательно. Может быть, напротив, Путин хотел бы быть «могильщиком дела Ельцина» (в чем я, впрочем, сильно сомневаюсь), да контекст – и внутренний, и внешний, – оказывается сильнее.

Соответственно, как мне кажется, и сам Путин, и его близкое окружение, несмотря на дежурные триумфальные заверения, балансируют на грани патовой ситуации. Это, впрочем, не означает, что при определенном ходе политического процесса они, окончательно лишённые маневра и загнанные в угол, не смогут проявить себя с достаточно неожиданной стороны.

Далее, *во-вторых*, говоря о том, что в самой формулировке «унификация постсоветского пространства» усматривается некий интеллектуально провокативный элемент, я имел в виду следующее: явные, регистрируемые в последние годы процессы как раз свидетельствуют скорее об утрате Россией позиций на пространстве бывшего СССР и, соответственно, не об унификации, а о дивергенции, «расползании и разбегании» соответствующего пространства.

В этой связи можно указать и на «отруливание» от Москвы молдавского руководства (кстати, пришедшего к власти на волне пророссийских настроений), и на «замораживание» российско-белорусской интеграции, и на появление военных баз США в Центральной Азии, и на антирусские (хотя в долгосрочной перспективе – антитуркменские) мероприятия Туркменбаши, и на события в Грузии, Абхазии, Абхазии и Южной Осетии. В ту же дегенеративную линию развития целиком укладывается процесс «оранжевой революции» в Украине (весьма, кстати, сложноустроенный).

По многим признакам ситуация, к сожалению, напоминает не «новый виток процессов интеграции», а заключительный период горбачевской перестройки. Скажем, экстренный и проведенный в достаточно позорной форме вывоз в Москву аджарского лидера Абашидзе многими политиками «ближнего зарубежья» был воспринят как знаковое событие, как очередной сигнал: «Россия слабеет, Россия уходит». Это же относится и к намечающейся реформе СНГ, которая очень напоминает церемонный роспуск и вызывает ассоциации с Ново-Огаревским процессом.

Далее, перечисляя теракты, потрясшие наше общество на протяжении 2004 г. – взрыв в московском метро, убийство президента Чечни Ахмада Кадырова, рейды боевиков на Назрань и Грозный, вновь взрыв в Москве, падение двух самолетов, события в Беслане, – нельзя не видеть связывающую их внутреннюю политическую логику. В этом же русле следует рассматривать и продолжающийся политический кризис в Карачаево-Черкессии. При этом речь, к сожалению, идет не о борьбе каких-то сил (сепаратистов, международных террористов и проч.) против «экспансионистской стратегии» Москвы на Кавказе, а об окончательном вытеснении России из этого региона.

Однако, как и во времена Горбачева, крайне наивно надеяться на скорый исход намечившегося процесса, поскольку борьба между силами, которые стремятся заполнить образующийся «геостратегический вакуум», по большому счету только начинается.

Кроме того, Путин – не Горбачев. Поэтому, как я полагаю, в случае углубления и затягивания текущего политического кризиса высшее российское руководство еще может преподнести миру какой-нибудь неожиданный (или давно ожидаемый?) проектно-идеологический сюрприз, в том числе и в духе настоящего «бонапартизма».

Наконец, *в-третьих*, говоря о сценариях развития событий на постсоветском пространстве в ракурсе реализации тех или иных моделей территориально-государственного устройства, мне хотелось бы обозначить (разумеется, упрощая) и кратко проанализировать их логически допустимые варианты.

Таких базовых сценариев, собственно говоря, четыре (см. *таблицу*):

- 1) дальнейшая фактическая унитаризация России (возможно, при сохранении «федеративных» декораций) на фоне фактической федерализации (в пределе – конфедерализации и даже распада) соседних государств;
- 2) унитаризация России при сохранении соседями существующих унитарных структур;
- 3) конфедерализация России (возможно, под лозунгом «реального федерализма») в сопряжении с федерализацией сопредельных государств;
- 4) конфедерализация России при сохранении (и укреплении) соседями собственной унитарности.

Таблица Базовые сценарии территориально-государственного устройства на постсоветском пространстве

	<i>Федерализация соседних государств</i>	<i>Сохранение унитарности соседних государств</i>
<i>Унитаризация России</i>	Новая империя (1)	Система государств-наций (2)
<i>Конфедерализация России</i>	Евразийский хаос (3)	Геополитический «распил» России (4)

Первый сценарий и есть, по сути дела, «магистральный путь» повышения геополитического статуса России и возвращения ее к роли «держателя» или «модератора» (по выражению Ст.Белковского) постсоветского пространства. Соответственно, в этом случае вопрос шел бы лишь о том, в каких формах и с какой скоростью те или иные фрагменты постсоветских государств вновь интегрировались бы в Россию. Как известно, этим – неоимперским, – сценарием

С начала 1990-х гг. грезил практически все политики национал-патриотической ориентации.

Второй сценарий представляет собой фиксацию как бы текущего состояния дел, что-то вроде: «Мы собираемся в себе, вы собираетесь в себе, а дальше посмотрим...» Можно сказать, что данный вариант развития в наибольшей степени соответствовал бы существующей формально-юридической стороне дела и общей схематике «строительства наций» в рамках постимперского транзита.

Третий сценарий отражает возможность нового витка деструкции на постсоветском пространстве. При этом вопрос о том, в какую дальнейшую «кристаллизацию» выльется подобное геополитическое «плавление» остается открытым. На этот счет у заинтересованных сторон и сил (как на Западе, так и на Востоке) существуют различные точки зрения.

Четвертый сценарий опять же отсылает к неким «евразийским» моделям. Однако, в случае его реализации, возникший хаос был бы не столь велик, как в случае реализации предшествующего сценария, поскольку по периметру распадающейся (по факту и вне зависимости от сиюминутных деклараций) Российской Федерации сохранилась бы система культурно, демографически и экономически традиционно связанных с ней геополитических аттракторов.

Если же в завершение сказать несколько слов о вероятности реализации каждого из обозначенных сценариев и, тем более, увязать их с текущей административно-политической реформой в России, то, по моему мнению, ситуация выглядит следующим образом.

В настоящее время «команда Путина», несмотря на все дипломатические реверансы, явно пытается реализовать именно *первый сценарий*. Однако и ситуация в Абхазии, и ситуация в Украине, и, тем более, ход дел на российском Северном Кавказе, показывают неспособность власти осуществить собственные замыслы. Результат – тяжелое поражение, испытанное в соседних странах политическими силами, ориентированными на Россию и разочарование в политике Путина многих миллионов русских, проживающих на территориях сопредельных государств.

Реализация *второго из обозначенных сценариев* мне представляется практически невероятной, поскольку зафиксировать текущее положение дел на постсоветском пространстве просто невозможно. Как минимум потому, что уже начался очередной раунд борьбы за «советское наследство». Именно это с предельной ясностью и показал кризис в Беслане.

Далее, перед тем как говорить о возможности реализации *третьего и четвертого сценариев*, следует зафиксировать один принципиальный момент.

Как представляется, возможность построения реального федерализма Россией уже утрачена. Учитывая качество, структуру и ориентации федеральных и региональных элит, не следует надеяться

на возврат от «грядущего унитаризма» к федерализму. Под лозунгами «зрелого», «реального» или какого-то иного федерализма в существующих условиях может быть реализован только переход к формату конфедерации.

В этом пункте трудно согласится с К.М.Труевцевым, утверждающим, что: «должен измениться вектор политики центральной власти России в отношении собственного федерализма. Решение о замене выборности губернаторов их назначением... оказывается скоропалительным и недальновидным... Принимаемый закон в лучшем случае приходится рассматривать как временную меру, которую раньше или позже придется отменить. С позиции интеграционных процессов – чем раньше, тем лучше...»

Полагаю, что с точки зрения сохранения и развития страны **«отмена» реформ Путина, к сожалению, может быть гораздо опаснее их продолжения.**

Но, в любом случае, до тех пор, пока Путин находится у власти, говорить о реализации *третьего и четвертого сценариев* не имеет смысла. Ведь остановить унитаризацию России, т. е., – фактически, – «отыграть назад» свои реформы Путин уже не сможет, да и вряд ли захочет. Для него это стало бы не только окончательной «потерей лица», но и прологом к политической смерти.

А.Н.Субочев

Высказанная в статье К.М.Труевцева идея формы территориального устройства как фактора процессов политической дезинтеграции и интеграции, протекавших или разворачивающихся на пространстве бывшего СССР, представляется весьма важной как для научного осмысления событий недавнего прошлого, так и для практического политического конструирования, реализуемого в настоящем. С теоретической точки зрения, проблемы интеграции постсоветских государств, обусловленные различием их территориального устройства, суть частный случай противоречий, возникающих при реализации принципа равенства прав в асимметричной ситуации, то есть тогда, когда к объективно неравному (с точки зрения релевантных в данном случае свойств) пытаются относиться как к равному. Другим политически актуальным примером подобного противоречия могут служить проблемы, связанные с так называемыми сложнопостроенными субъектами Российской Федерации, в которых части их территории также наделяются статусом субъектов. Нетрудно видеть, что противоречий указанного типа здесь несколько: между субъектом и его частью-субъектом, между частью-субъектом и частью-несубъектом, между сложнопостроенным и простым субъектами. Необходимость устранения этих противоречий логически приводит к идее ликвидации «сложнопостроенности» субъектов,

к осуществлению которой и приступила администрация В.В.Путина, начав с создания Пермского края.

Однако вернемся к теме интеграции постсоветского пространства. В качестве подтверждения тезиса К.М.Труевцева о федеративном устройстве России как о препятствии для ее объединения с Белоруссией к уже сказанному хотелось бы добавить следующее. В ходе обсуждения различных вариантов объединения России и Белоруссии руководство Республики Татарстан заявило о том, что в случае объединения в форме образования союзного государства («воссоздания СССР») Татарстан желал бы получить равные права с сохраняющей свое политическое единство и субъектность Белоруссией, то есть войти в новый Союз в качестве его равноправного субъекта. Подобные заявления не могли не рассматриваться руководством России как угроза ее территориальной целостности. Статус равный статусу Татарстана могли потребовать другие национальные республики, а это в свою очередь неминуемо воскресило бы идеи создания русской национальной автономии («республики Русь») и вызвало всплеск русского этнического национализма. К тому же успех проекта «восстановления Союзного государства» был неочевиден и негарантирован, так что его возможный провал означал бы фактический и юридический выход ряда национальных республик из состава России. Эти соображения не могли не охлаждать отношения российской политической элиты к вариантам объединения, предлагавшимся руководством Белоруссии. А оно, в свою очередь, настаивая на равенстве Белоруссии и России как двух суверенных государств, не принимало мотивированный задачей сохранения территориальной целостности России вариант вхождения шести белорусских областей в состав Российской Федерации³.

К.М.Труевцев совершенно справедливо отметил, что есть два пути, две идеальные модели разрешения противоречий постсоветской интеграции, порожденных асимметрией территориального устройства бывших республик СССР. Либо строится новое федеративное государство («воссоздается СССР»), что требует упразднения федеративного устройства России, подрывающего ее (России) целостность, либо реализуется тот или иной вариант вхождения «федерализованных» республик бывшего Союза в состав Российской Федерации, что предполагает не только сохранение, но и развитие российского федерализма. Рассматривая обе эти модели в теоретическом ракурсе, определенном выше, то есть как случай противоречия между принципом равенства (фундаментальным принципом политической организации современных обществ, в соответствии с которым будут строиться и оцениваться любые интеграционные проекты) и асимметрией ситуации, можно отметить их существенную неравноценность. Ситуация в первой модели (образование союза унитарных государств) продолжает оставаться сильно асимметричной из-за сугубого

³ На основании части 2 статьи 65 Конституции РФ.

неравенства географических, демографических и экономических масштабов России, с одной стороны, и прочих стран СНГ, с другой. Эта асимметрия и ее возможные пагубные политические последствия хорошо осознавались еще руководством СССР, которое принимало соответствующие меры. «В России в отличие от других союзных республик не было своей коммунистической партии, а министерства и ведомства существовали во многом как декоративные и вспомогательные по отношению к союзным, осуществляя исключительно оперативное управление. Эта традиция шла еще от Иосифа Сталина, который боялся, что руководители российской коммунистической партии смогут составить ему конкуренцию во власти»⁴. История показала, что опасения Сталина не были напрасными. Обретение РСФСР политической субъектности и развернувшееся вслед за ним политическое соперничество лидеров СССР и России стало одним из факторов распада Советского Союза. Также очевидно, что не только проблема национальных республик в составе РФ, но и несопоставимость масштабов России и Белоруссии объективно препятствовала объединению на условиях Лукашенко, то есть их союзу «на равных».

Вторая модель для России значительно более привлекательна. Во-первых, не создается никакой «союзный» уровень власти над российским федеральным правительством. Во-вторых, сохраняется действующая российская Конституция, то есть нет нужды в проведении фундаментальных конституционных изменений, что чревато пагубными для территориальной целостности России последствиями. В-третьих, эта модель является более гибкой, допускает больший набор возможностей, так как в ее рамках возможно присоединение к России не всей страны, а только тех ее территорий, население которых этого захочет. То есть количество людей, которых «заставят» участвовать в интеграции против их воли, и которые из-за этого станут политической проблемой объединенного государства, во втором варианте объединения будет значительно меньше. Особенно актуально последнее в ситуации политико-географического раскола Украины, западные области которой не желают интеграции с Россией. Федерализация Украины позволит каждой из сторон выстраивать собственные стратегии внешних связей. С одной стороны, никто не будет «тащить назад в Союз» западные области (политические настроения которых сыграли ключевую роль в распаде СССР), с другой стороны, они не смогут мешать реализовать юго-востоку его интеграционные планы.

⁴ Римский В.А. Бюрократические механизмы преобразований в России в период президента Ельцина // Страна после коммунизма: государственное управление в новой России: В 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 31.